

ЛИТУРГИКА

А. И. ГЕОРГИЕВСКИЙ

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЛЕКЦИЯ
ПО ЛИТУРГИКЕ¹

О нашей стране древнерусский летописец говорит, «что зде не суть апостолы учили» и «телом» они «не суть зде были»². Неудивительно, стало быть, если данная наука, точнее же сказать предмет, подлежащий ее изучению и давший ей имя, при всей своей церковности, а, скорее всего, именно по этому самому, нашел себе соответствующее название в языке греческом, который в период возникновения и пышного цветения христианства имел международное значение.

Слово «литургия» — от «литургия», λειτουργία. В свою очередь, это последнее слово составлено из двух греческих: λείτον (= λήϊτον) и ἔργον.

Λήϊτον греки употребляли, между прочим, в значении «государство», мыслящееся ими как общество. Что же касается существительного ἔργον, то происходя от глагола ἐργάζομαι («работать, трудиться») и означая «занятие, работу, действие», оно оттеняет в выражаемых им понятиях известную принудительность, тождественную с русскими словами «занятие, повинность в службе», иначе говоря, работу на кого-нибудь и для кого-нибудь.

Таким образом, сложное из λείτον и ἔργον, λειτουργία по-русски нужно будет передать «общественная служба или повинность». И действительно, литургией в древних Афинах называлась обязанность граждан, обладавших определенным имущественным цензом, исправ-

лять некоторые общественные повинности, сопряженные с денежными издержками³.

Сюда, например, относилась постановка хора в трагедиях, угощение граждан своей филы⁴, снаряжения военного корабля и др.

В смысле личной услуги, а также благотворительности, существительное λειτουργία, равно как и глагол λειτουργέω для выражения действий этого последнего порядка, употребляются и в Новом Завете⁵, где, впрочем, теми же словами обозначается и богослужение, в частности ветхозаветное⁶.

Естественно возникает вопрос о степени общности между богослужением, с одной стороны, и гражданской повинностью, выражавшейся в постановках за собственный счет на театральную сцену хора или снаряжения военного корабля, с другой; почему все эти понятия выражались на греческом языке одними и теми же словами? Отвечая на него, скажем, что разнородное и даже прямо противоположное, на наш взгляд, было иным в глазах древних греков, у которых государство являлось в значительной степени союзом религиозным, а сценические представления возникали из празднеств в честь бога Диониса, вследствие чего и в оркестре возвышался жертвенник и соответствующие зрелища (особенно же их начало) сопровождалось религиозными обрядами. Отмеченной связью древнего театра с языческим культом главным, хотя, правда, не исключительным образом объясняется и борьба отцов и учителей Церкви с театральными представлениями, хотя эта борьба, в своей сущности, вовсе не была ригористическим протестом по адресу этих последних как таковых.

Так как греческое слово λειτουργία могло быть прилагательно и действительно прилагалось к богослужению вообще⁷, независимо от тех

³ Здесь заканчивается начальный фрагмент лекции из папки с материалами Богословского вестника 1945–1946 гг. Дальнейший текст публикуется по машинописи с разными материалами по литургии из архива БМДА. — *Примеч. ред.*

⁴ Фила — подразделение греческого народа, подобное тому как ветхозаветные евреи делились на колена.

⁵ Флп. 2, 30; Рим. 15, 27; Кор. 9, 12. ⁶ Лк. 1, 23; Евр. 10, 11.

⁷ См.: Деяния III Вселенского Собора. — Например, в деяниях говорится о «вечерних или утренних службах» (τὰς ἑσπερινὰς ἢ τὰς ἑωθινὰς λειτουργίας) (Concilium universale Ephesenum anno 431 / Ed. E. Schwartz. Vol. 1.1.5. P. 124:35). — *Примеч. ред.*

¹ Вступительная лекция по литургии, прочитанная в Православном богословском институте в Москве в сентябре 1945 г.

² * Повесть временных лет. Сказание о варягах-мучениках Иоанне и Феодоре 985 г.

или других частных его видов, то и наука о богослужении стала называться литургией, через это свое наименование вовсе не сужаясь в объеме, иначе говоря, имея своим предметом не одну только Литургию, понимаемую в смысле обедни, а все виды богослужения, т. е. все службы, чины и чинопоследования, правда, исключительно христианской Церкви, хотя и в разнообразных, исторически создавшихся ее ответвлениях.

С поля своего зрения, следовательно, наша наука, даже и называясь литургией, т. е. наукой о богослужении вообще, по традиции удаляет лишь богослужение нехристианских религий, изучение которых или составляет предмет специального ведения, именуемого историей культов, или входит, как часть в целое, в историю религии.

Необходимость, проистекающая из обстоятельств времени, отводимого на наш предмет, обязывает нас в настоящем случае к еще большему сокращению пределов наших совместных занятий, а именно к ограничению их главным образом областью литургии нашей Церкви (литургические же особенности других христианских церквей будут нами отмечаться лишь в сравнительном плане).

Впрочем, было бы преувеличением считать эти рамки чересчур тесными. Богослужение Православной Церкви, уже богослужение, тем более Церкви христианской, далеко не самобытное <явление> и по той же самой причине имеет историческую и фактическую общность с богослужением всего христианского мира и давность двух тысячелетий.

Формы, в которые постепенно, путем сложного, а главное, длительного процесса отлилось это богослужение на православном Востоке и у нас, в России, насчитывают за собой десятки веков. Устойчивость соответствующих форм поразительна!

Вот, следовательно, какими хронологическими вехами измеряется и какими пространственными пределами очерчивается подлежащий нашему изучению предмет; иначе говоря, для проникновения в самую его сущность, в целях отчетливого усвоения, ради разумного понимания хотя бы только нашего теперешнего богослужения придется удалиться за пределы христианства, постепенно углубляясь в самую глубину веков, и заглянуть едва ли не во все уголки христианского мира.

Итак, литургия есть наука о богослужении вообще или, как говорят ученые Запада, о культуре, основную задачу которой составляет исследование о составе нашей литургической формы в ее генезисе (рождении) и историческом развитии, в раскрытии ее содержания и смысла, иначе говоря, в строе теперешней церковной службы; в ее обрядовых подробностях <мы> будем иметь дело с историческим материалом, будем видеть последовательно слагающуюся из внешних форм и знаков систему христианского богослужения.

И так как наше богослужение имеет в основе своей догматические и нравственные истины христианства, то литургия есть наука о формах богослужения как внешнем выражении догматических и нравственных истин христианства.

Поэтому Литургия может быть по существу правильно усвоена и понята лишь при наличии своей основной изначальной истины. Такой истиной является вера в Бога, а затем и ряд вытекающих отсюда истин чрез Божественное Откровение.

Если объекты религиозной веры не приняты и не усвоены твердо и непоколебимо, то и изучение литургии по существу не нужно и в лучшем случае может представлять лишь интерес археологический.

Отделите храм от того, что в нем совершается, забудьте смысл совершаемого, забудьте образы, которые приурочиваются к его отдельным частям, стоят в связи с его устройством, и вы получите не более как какой-то остов, какую-то анатомическую безжизненную массу, без жизни и голоса. Однако в храме православном дается вся полнота Божией любви, ставящая верующих в полнейшее единение со святыми, с умершими и живыми членами Церкви и с Самим Господом и направляющая нас в жизнь вечную, когда *будет Бог все во всем*⁸.

Служба православная, являясь внешним обнаружением веры и знания о Боге, имеет стройный богослужебный чин, в котором все имеет неразрывную связь и все проникнуто глубоким смыслом и значением.

Несколько ранее были высказаны две мысли: во-первых, что наше богослужение не совершенно самобытное, во-вторых, что в тепереш-

⁸ 1 Кор. 15, 28.

нем своем виде оно образовалось в результате известного процесса. Само собой очевидно, на очередь выдвигается вопрос о тех, выражаясь языком математики, слагаемых, из которых составилась сумма нынешнего нашего богослужения, и о тех причинах, в силу которых составившие данную сумму слагаемые в эту последнюю входили определенным порядком.

Христианство, хотя и является Новым Заветом⁹, однако как религия принадлежит к тому разряду явлений, всеобщность которых в человеческом роде обращала на себя внимание уже многих знаменитых мыслителей древности.

Внешнее богопочтение, предмет нашей науки в ее широком понимании, за отдельными чрезвычайно редкими исключениями, по этой причине лишь подтверждающими правило, неразрывно связано с религией.

Всеобщность же религии при единстве человеческого рода делает, в свою очередь, проявления внешнего богопочтения, по крайней мере некоторые его моменты, общечеловеческими, <как например> — молитву, жертву. Вот первый вклад в сокровищницу нашего богослужения, который дан человечеством.

Далее, еще с конца XVI века учеными неоднократно отмечалось тесное взаимоотношение между богослужением христианским и иудейским в тех формах, в каких последнее проявлялось на заре христианства и во время, непосредственно предшествующее восхождению Солнца Правды — Христа Спасителя.

Только что высказанная мысль со стороны методологической весьма плодотворна (а по существу своему не вызывает возражений, если отставить те крайности, которые привзошли сюда в результате полемических тенденций).

В самом деле, христианство возникло среди евреев и иудаизма как строго определенной кристаллизовавшейся церковной организации.

«Человек в своем творчестве стремится достигнуть желательных результатов с наименьшими усилиями. Отсюда все, что может быть

⁹ 2 Кор. 3, 6; Евр. 9, 15; 12, 24; 8, 8; Мф. 26, 28; Мк. 14, 24; Лк. 22, 20; 1 Кор. 11, 25.

займствовано из окружающей среды без прямого отречения от самих целей, поставляемых для деятельности, обыкновенно усваются без всяких колебаний. Поэтому нет ничего удивительного, если христианское одушевление ищет для себя форм в окружающей обстановке»¹⁰.

И эти формы христианство принимало здесь тем легче, что прежде всего сама ветхозаветная религия была пестуном во Христа¹¹, *тенью будущих благ*¹², *образом будущего*¹³. Далее, их, мало сказать, не отрицал, но ими положительно пользовался Христос Спаситель¹⁴ уже по одному тому, что *не <...> пришел нарушить закон или пророков, ибо не нарушить пришел Я, но исполнить*¹⁵.

Если же так называемый прецедент (раннейший пример) как таковой имеет громадное значение в области правовой, то в данном случае это было примером Божественного Основателя христианства и потому в известном отношении вдвойне (сугубо) дорогим наследием.

А кроме того, целый ряд форм иудейского обряда не составил исключительную его одного особенность, а был общим едва ли не со всеми народами тогдашнего мира, отвечал природе религиозных особенностей человека.

Оставляя до удобного случая одни и опуская совершенно, по обстоятельствам времени, другие из частных и подробностей вопроса о литургическом взаимоотношении христианства и иудейства, сейчас отметим лишь следующие: еще задолго до Рождества Христова иудейское богослужение, единое хотя бы в принципе¹⁶, в период допленный разделилось между храмом и синагогами. Разделение это пошло несколько глубже и дальше чисто внешнего обособления мест для священных собраний вообще или известного рода данных собраний. Оно коснулось самого характера и строя богослужений, совершавшихся в синагогах, где, по сравнению с храмом, было отведено значительно

¹⁰ Попов И. В. Элементы греко-латинской культуры и истории древнего христианства. М., 1909. С. 9.

¹¹ См.: Гал. 3, 14.

¹² Евр. 10, 1.

¹³ Рим. 5, 14.

¹⁴ Мф. 4, 23; 13, 54; 26, 26–27; 26, 30–31; Мк. 1, 21; 6, 2; 14, 14–15; 14, 22–23; 14, 26.

¹⁵ Мф. 5, 17.

¹⁶ Исключения: 1 Цар. 16, 2; 3 Цар. 3.

большее место элементу учительному: чтению Священного Писания, проповеди, псалмопениям и т. п.

Влияя на выработку строя христианского богослужения той и <ли> другой из своих сторон, т. е. обрядом как храмовым, так и синагогальным, если только, в добавление к предыдущему, не самим бытовым укладом: утренними, вечерними, застольными, послеобеденными молитвами с обращением в сторону храма и т. п., — иудаизм все же оказывал в соответствующей сфере преимущественное влияние через синагогу и домашний быт.

Отсутствие сожженного Навуходоносором храма и продолжительная жизнь на чужбине во время вавилонского плена отучили евреев от храмового богослужения. Происшедшее в связи с отмеченными событиями государственной жизни Израиля рассеяние его сынов по лицу тогдашнего мира, а также включение в состав церковного иудейского общества иноплеменников по плоти и чужестранцев по роду, естественно, на деле не могло даже и воздвигнутый из развалин храм восстановить в прежнем значении церковно-религиозного центра. Религиозный уровень, какого достигли евреи в массе (*en masse*) в послевоенную эпоху, делало в их глазах более целесообразным культ синагогальный, тем удобнейший для претворения в христианский, чем меньше здесь было специфического в смысле ветхозаветном.

Предназначенная для всех народов¹⁷, христианская религия вскоре после возникновения своего в недрах иудейства вошла в греко-латинский мир, обладавший к тому времени богатой культурой и, как одним из ее результатов, что нас должно больше всего интересовать, довольно развитой системой богослужения. В силу причин как психологических, так и исторических христианству в известной мере удалось изменить убеждения вчерашних исповедников античной религии. Иначе обстояло дело с медленно слагающимися, а потому более устойчивыми состояниями их сознания, каковы, например, чувства и привычки. Однако целый ряд проявлений религиозного чувства в античном мире не был, как это мы видели и по отношению к иудейской религии, чем-

либо свойственным только грекам и римлянам, а наоборот, являлся общечеловеческим достоянием по причинам ли, упоминавшимся ранее, психологического характера или как результат первобытного единства человеческого рода.

Вхождение же проявлений данного порядка в христианский обиход было тем легче, что некоторые из этих форм имели место в ветхозаветном богослужении и упоминались в Библии. В частности, результатом соответствующего влияния нельзя не считать удлинения, притом определенного характера, литургийных молитв в период времени, начинающийся около III века, поскольку отмечаемый факт стоит в связи с обращением в христианство многих образованных язычников, уже тем самым оказавшихся неспособными отрешиться от ораторских оборотов речи и в качестве совершителей христианского богослужения. Но если в христианском богослужении мы встречаемся с соответствующими проявлениями дохристианских религий, отсюда не следует, будто первое разложимо без остатка на последнее. Если бы мы сделали подобное допущение, мы, тем самым в противоречии со всем и вся, лишили бы себя права и возможности оперировать с христианским богослужением как известной единицей, уже как таковой являющейся величиной положительной. И это по отношению к интересующей нас стороне той религии, которая была проповедана, когда *исполнилось время и приблизилось Царствие Божие*¹⁸, когда стало всего ближе к нам *спасение*¹⁹, которая отвергающего ее даже *будет судить* <...> *в последний день*²⁰.

*Сердце новое и дух новый*²¹, богодарованные новозаветному человечеству, со своей стороны (если оставить даже принципиальную неуместность, по слову Господа, *вина молодого в мехи ветхые*²²) не могли у этих христиан не отразиться при исповедании усты, т. е. при внешнем выявлении своего упования, между прочим, и в обряде. Далее, устанавливаемое обособление христианского богослужения или, по крайней мере, выделение здесь некоторых, притом характеризующих это бого-

¹⁷ Мф. 28, 19. Ср.: Мк. 26, 15.

¹⁸ Мк. 1, 15.

¹⁹ Рим. 13, 11.

²⁰ Ин. 12, 48.

²¹ Иез. 36, 26.

²² Мф. 9, 17; Мк. 2, 22; Лк. 6, 37.

служение в самой его основе, особенностей вытекает с несомненностью из исторических обстоятельств установления Таинства Причащения.

Христос Спаситель не ограничился на Тайной Вечере совершением его, но, совершивши, заповедал: *Сие творите в Мое воспоминание*²³. Заповедь Господа следует относить не только к самому акту совершения Таинства в будущем, но и к порядку этого совершения, опираясь на употребленное в данном случае Новым Заветом местоимение *тоѹто*, которое передано у нас словом «сие».

Впрочем, в том и другом случае привнесение некоторого самостоятельного элемента в христианское богослужение или привхождение сюда аналогичного момента позволительно считать тезисом, до известной степени оправданным фактически.

В заключение отметим, что качественное и количественное обилие духовных дарований, которыми ознаменовалась жизнь первохристианской Церкви при том положении вещей, согласно которому *Дух, идеже хоцет, дышет*²⁴, нашло свое отражение и на богослужении нашей Церкви в смысле привнесения сюда начал новых, инородных обрядам дохристианским, но церковно-христианское богослужение, допуская отдельные формы ветхозаветного богослужения или античного мира, являющиеся общечеловеческим достоянием, в то же время существенно отличалось от них именно как служение Богу *в духе и истине*²⁵ и в себе самом заключало начала для самостоятельного развития и образования²⁶.

²³ Лк. 22, 19; 1 Кор. 11, 24–25.

²⁴ Ин. 3, 8.

²⁵ Ин. 4, 24.

²⁶ См.: *Смирнов Ф.* Богослужение апостольского времени // Труды КДА. 1873. Апрель. С. 493–560; Май. С. 76–155.